

МАСТЕР ДЕТЕКТИВА

АНТОН ЧИЖ

АНТОН
ЧИЖ

ПЕПЕЛ
и ПУРПУР

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Дизайн обложки *А. Дурасова*

Чиж, Антон.

Ч-59 Пепел и пурпур / Антон Чиж. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-198105-1

Поиск философского камня, превращающего любой металл в благородное и дорогое золото, сгубил не одного авантюриста. И, казалось бы, пора прекратить верить в опасную выдумку, но не тут-то было! Коллежскому секретарю Родиону Ванзарову и его другу и коллеге Аполлону Лебедеву предстоит раскрыть несколько изощренных убийств, каждое из которых так или иначе связано с поиском философского камня. А где тот камень скрыт, оказывается, знает... Пушкин! Но раскроет ли томик стихов поэта этот страшный секрет полицейским?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198105-1

© Чиж А., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

До глубин ночами и днями
Аметист светился и цвел
Многоцветными огоньками,
Точно роем веселых пчел.
Потому что свивал там кольца,
Вековой досыпая сон,
Старше вод и светлее солнца,
Золоточешуйный дракон.

Н. Гумилев. Поэма начала

• 1 •

Кусты торчали растопыренными пальцами. Земля отдавала холод зимы, майская трава сырела ночной росой, промозглой и жгучей. Ветер лез под воротник, скреб по спине ледяными коготками. До намеченной цели оставалось всего ничего. Цель виднелась одноэтажным строением, оторванным от застиранной простыни белой ночи линией крыши. Один короткий рывок, чтобы оказаться там.

Надо заставить себя сделать несколько шагов. Справиться с напавшей слабостью. Совсем немного, совсем чуть-чуть. Уже промерз до костей, уже рук не чувствуешь. Лежать глупо и бесполезно. Ждать опасно и невозможно. Грудь больная застыла, чего доброго, случайный прохожий вызовет полицию. Возвращаться поздно, слишком далеко зашел. Дашь сейчас слабинку, всю жизнь жалеть будешь. Ни за что не простишь.

Так, кажется, просто: ночь. Дом на окраине. Соседей нет. Собаки нет. Печать, что на входной двери, пусть себе висит, не помеха. Окна ломать не требуется. Прямую раму надавить слегка, и, пожалуйста, путь открыт. Никто не узнает. Следов не останется. Чистая работа. Надо решаться наконец.

Слабость не отпускала. Пригнула, зажала камнем. Не скинуть, не отделаться от нее. Держала цепко и въедливо, точно силки. Не было от нее спасения, хоть плачь. И для слез не осталось сил. Порыв, который толкнул его в ночь, выгорел дотла. Ничего не осталось: ни злости, ни обиды. Пусто в душе. Пусто в сердце. Пусто в голове. И сам он как пустой мешок, из которого вытрясли пыль. Неужели все... Неужели убираться вот так — побитой собачонкой. Как жить с этим? Нет, жить с этим будет решительно невозможно... Да и незачем уже.

Последняя надежда: вспомнить еще раз. Все вспомнить.

Сначала вернулась обида. Обида отогнала холод, заставила сердце биться чаще. Обида напомнила, как с ним поступили. То, что случилось, было страшнее оскорбления. Оскорбление можно простить. С ним же обошлись как с тряпкой. Об него вытерли ноги. Показав, что он ровным счетом ничего не стоит. Все усилия, труды его, заботы, оказались не дороже мусора. Через них переступили и даже не заметили.

Дело, на которое он согласился ради будущего, в один миг обернулось дурацкой затеей. Куда гаже дурацкой затеей: мелкой глупостью. А доведи он начатое до конца, че-

го доброго, все решат, что он опустился до пошлейшего поступка. Никто не поверит в истинные причины. Никому не объяснишь, ради чего он на самом деле пошел на это. Цена подвигу вышла ломаный грош.

Чего теперь стоят все его старания? Он ничего не требовал, отдавал себя самоотверженно, целиком и полностью. И вот получил благодарность. Оказалось, что его держали за Петрушку на веревочке, которого выбросили на помойку.

Что остается: покорно смириться? Нет, это уж слишком. Две жертвы от человека требовать невозможно. Такое никому не по силам. Он твердо решил, как поступить. Надо проникнуть в дом, разыскать то, что от него прятали, а это наверняка еще там, найти и взять себе. Как награду за все испытания. А после начать новую жизнь. Да, именно так: начать все заново.

А потом уехать как можно дальше, в Америку, и там начать сначала. У него хватит сил, чтобы построить жизнь заново. Простую жизнь без подвигов, рвения и идеалов. Сытую, тихую, довольную жизнь, о которой мечтают все. Вот теперь и возьмется. И совесть не будет мучить. Нет мук совести, как оказалось, а есть нерешительность и слабость. Потерянных лет не вернешь, а те, что остались, надо прожить без печали, без забот и мыслей. Мысли — зло. С него довольно.

Не боясь быть замеченным, он встал и пошел к дому, пересекая двор. Зайдя с заднего крыльца, вынул гнилую раму, не разбив стекла, опустил ее на землю, прислонив

к стене, и перемахнул в открывшийся проем. Темнота не станет помехой, по дому он мог передвигаться и с закрытыми глазами. Большой свет все равно зажигать нельзя. Окна задернуты, да мало ли кто заметит. Визиты любопытных ни к чему. А полиции и подавно.

Из кухни он прошел в гостиную. На мгновение показалось, что в доме еще кто-то есть. Непонятное движение в темноте или случайный шорох. Он прислушался. Подождя, так ничего и не услышав, решил, что сумерки играют с ним в жмурки: мерещится то, чего нет. Давление крови давит на барабанную перепонку. Из-за напряжения глазной сетчатки может тень показаться. В привидения он не верил.

Когда глаза привыкли к темноте, прояснилось малоприятное обстоятельство, которое он как-то упустил: неизвестно не только, где искать, но и что именно, тоже. Расположение вещей и мебели было настолько знакомо, не меняясь годами, что загадка казалась неразрешимой. Хоть перерывай дом вверх дном. Ничего другого не останется. Времени в обрез. Светать начнет часов в пять, до этого надо убраться и окно на место поставить.

На второй шанс и еще одну ночь рассчитывать нельзя. Даже если этот визит останется в тайне, ему не заставить себя прийти сюда еще раз. Как бы ни убеждал и ни раззадоривал. Это он знал наверняка. У него в распоряжении считанные часы, и потратить их надо так, чтобы потом не было мучительно обидно. Логичней всего было начать с рабочего кабинета. Вот и пригодился масляный

фонарь, который захватил на всякий случай. Неровному огоньку хватало сил на желто-слепое пятно, которое заскользило по книжным полкам.

Без особой надежды он проверил щели между томами. Открывать книги не имело смысла. Здесь ничего не менялось. Коснувшись тиснения знакомых корешков, он отошел от стеллажей. Бесплезно тратить время. В книгах ничего нельзя спрятать.

Потайной фонарь он поставил на письменный стол, заваленный разнообразными предметами, все больше мусором и обломками, тщательно сохраняемыми по каким-то важным причинам.

Присев в ветхое кресло, тотчас вонзившее в тело пружину, он дернул верхний ящик. Раздался отчаянный визг. В недрах ящика царил хаос. Он стал разгребать залежи, сначала неторопливо, а потом все более и более увлекаясь, пока не стал кидать на пол целыми горстями. Шум его не тревожил, дом стоял на отшибе от ближайшего жилья, отгородившись парком и полями.

Очистив главный ящик, он принялся за тумбы. На каждой полке попадалось что угодно, только не то, что было нужно ему. Или хотя бы отдаленно походило на предмет, который он искал. Навалив на полу изрядную кучу, он пошарил внутри. Под рукой шуршало полированное дерево. Стол был выпотрошен подчистую.

Надо переходить дальше, множество других полок и ящиков ждали, чтобы их тоже очистили от хлама. Но он задержался. Показалось, что разгадка находится имен-

но здесь и ни в каком другом месте. Разумных доводов для этого не было. И все же он был уверен, что искать надо только здесь. Еще раз и тщательно.

Не особо надеясь на успех, он просунул руку к нижней кромке столешницы. Ощутив шершавое дерево, ладонь вдруг наткнулась на что-то, выпирающее из стола. Вцепившись, он нащупал предмет прямоугольной формы, мягкий и гладкий, словно отделанный лучшей кожей. Незвестную вещицу прижимала скоба. Вынуть ее не составило труда.

Находкой оказалась небольшая книжица, изрядно потертая, с бронзовыми накладками на углах, какие были популярны лет тридцать назад для записи умных мыслей и прочей чепухи. Их носили на цепочке в жилетном кармашке. От цепочки осталось помятое ушко. Веских причин прятать эту книжечку быть не могло. Наверняка это то, что он искал.

У него в руках вожаденное сокровище. Вот теперь пора уходить. Ему захотелось еще немного растянуть удовольствие, что-то вроде маленькой мести: прямо за этим столом узнать тайну, что скрывали от него все эти годы.

— Вот, значит, как... — проговорил он вслух. — Недаром сказано: нет ничего тайного, что не стало бы явным. Есть все-таки справедливость в этом мире. Хоть и бывает она прихотливой.

Пододвинув фонарь, он расстегнул застежку, державшую переплет.

Огонек вздрогнул и погас. Будто задул порыв ветра, взявшийся ниоткуда. Темнота обступила. Как это не-

кстати! Спички остались где-то в гостиной; разжигая фонарь, он машинально отложил их в сторону. Можно обойтись и без света. К чему спешить. Теперь у него будет много времени, чтобы все изучить и понять.

Выбираясь из-за стола, он задел кучу, рассыпанную по полу. Хрустнуло стекло, звякнула жестянка. Размахнувшись, он со всей силой наподдал носком ботинка. Мусор фыркнул и расступился, треща и ломаясь под каблуками.

Выйдя из кабинета, он оглянулся напоследок, чтобы в памяти осталось место, с которым столько связано.

— Не моя вина... — сказал он. — Я сделал все, что мог... И не за что молить о прощении. Сгинь, старая жизнь, здравствуй, новая. Обещаю ни о чем не жалеть. Если и взгрустну, то ненадолго. От скуки... Прощайте...

И поклонился в пояс. Отдавая дань тому, что для него было дорого, крепясь изо всех сил, чтобы не пустить слезу и не поддаться слабости. Но кто бы это заметил, если кругом темнота.

Он позабыл, что темнота бывает коварна.

Никогда не знаешь, кто смотрит из темноты. Чей шорох и легкое движение промелькнут. Чья тень неожиданно-негаданно проскользнет и растворится снова.

Темнота прячет тех, кто ей служит. Бережет их до времени и дает свободу вершить все, чего они пожелают. Она смотрит на их шалости и улыбается без зла и сожаления. Темноте незнакомы чувства. Она умеет лишь ждать. Темнота не любит тех, кто ею пренебрегает. Того, кто забыл о страхе и об опасности. Этого она не прощает.

Он ничего не почувствовал...

— Не сомневайтесь: он ничего не почувствовал.

— Вот как? Интересно. Вы так полагаете?

— Нет, не полагаю. Я в этом уверен, коллега. Посмотрите-ка вот сюда...

• 2 •

Бургомистр Царского Села, почетный гражданин Иван Яковлевич Липин, назови его главой города, с негодованием отверг бы подобную честь. Какой из него глава, когда город подчиняется коменданту генерал-лейтенанту Штрандману. Комендант устанавливал порядки, а прочим полагалось безропотно подчиняться. Роптать в летней резиденции императора не полагалось. Тут ходили по струнке. Да и причин для ропота не наблюдалось. Город был редким исключением в империи, где большинство жителей были довольны жизнью. Половина из них была довольна по приказу. Тут размещались казармы отборных полков: гусарских, лейб-гвардии, артиллерийских и кирасирских. Занимали они треть площади и порядок держали у себя образцовый.

Так что заботам бургомистра оставалась всякая мелочь: улицы подмести, собак бродячих разогнать, вывески привести в надлежащий вид, фонари отремонтировать. Впрочем, скучным обывателям такой порядок нравился: строгость и дисциплина во всем. Полиции

и заниматься было особо нечем. Кому захочется озорничать, когда каждый второй прохожий разгуливает с револьвером, а каждый третий — с шашкой.

Обратной стороной порядка был недостаток развлечений. Особенно для господ военных. Кроме офицерского клуба да полковых собраний, деться некуда. В столицу ехать далеко, да и требуется особое разрешение командования на отлучку. А пристойного публичного дома официально не имелось. Конечно, были известные квартирки с милыми бланкетками¹. Но любовь их была сродни подвигу: того и гляди, наткнешься на командира, которому тоже хочется тепла и ласки.

Без развлечений ротмистр лейб-гвардии 2-го Царскосельского стрелкового полка Алексей Еговицын чах и сучал. Его страстью была игра. Он любил ее искренно, не меньше бланкеток. Только вот карты не любили его. Он умудрялся проигрывать так часто и много, что полковые товарищи, заботясь о нем, сговорились и отказались садиться с ним за стол. Еговицын лишился последней отдушины. Он уже не помнил, когда последний раз брал в руки карты.

То, что случилось с ним в погожий день конца марта 1896 года, ничем иным, кроме как гипнозом или наваждением, объяснить нельзя. Когда ротмистр очнулся, было уже поздно. Еще три часа назад Еговицын был, в общем, счастливым и беззаботным офицером лейб-гвардии

---

¹Проститутка, имеющая регистрацию в полиции.

стрелкового полка, у которого все было как полагается, только вот жены не имелось. Большими талантами не блистал, обычный средний офицер, зато на хорошем счету у командиров, дружен с товарищами, в меру строг с подчиненными. Служить бы да не тужить.

Так ведь с какого-то рожна захотелось ему заглянуть в трактир на Фриденвальском шоссе. Захотелось так, что сил нет. Офицерам лейб-гвардии посещать подобные заведения, мягко говоря, не рекомендовалось. С чего Еговицына потянуло в злачное место, он сам понять не мог. То ли погода подействовала, то ли невероятное стечение обстоятельств. Да теперь уже и неважно.

Он помнил, что выбрал стол как можно дальше от окон, чтобы форму случайно не заметили, заказал обед и собрался мило провести время. Суп был недурен для трактира, а холодная закуска так и шла под водку. Но тут откуда ни возьмись как раз после второй рюмки у стола завертелся приятный господин, да такой приятный, аж масляный. Говорил он с таким смешным польским акцентом и мило шутил. Как-то само собой вышло, что Еговицын пригласил его к столу и налил рюмку.

И вдруг приятный господин спрашивает: «А не волет, пан офицеж, так трохи, для души сыгжачь?» Пан офицер еле удержался, чтобы не расцеловать этого милого поляка. Он хотел, еще как хотел. Наудачу сразу нашлось еще два игрока, которые уселись рядом.

Дальнейшее Еговицын помнил смутно. Сначала он выигрывал немного, потом пошло по-крупному, что-то около трех тысяч. Сумма была столь оглушительна, а удача так благосклонна, что он принялся ставить, не помня себя. И не заметил, как начал проигрывать. Еговицын был уверен, что фарт вот-вот вернется, такой счастливый день. Ставки становились все крупнее, дошло до пяти тысяч, а он все не замечал, что проигрывается в пух. Наконец, ему предложили пойти ва-банк. Он поставил на все. Его карта была бита. Игроки из милых господ превратились в строгих кредиторов. А масленый господин подложил бумагу, перо и чернильницу.

— Знаю, что слово пана офицежа есть слово гонору, але за то, проше бардзо, подписачь векселю, проше пана... Як то на имья пана Мазурельского, то я таки естем...

Еговицын не уронил честь офицера скандалом, написал своей рукой все, что от него требовали, и заверил подписью. После чего пан Мазурельский со товарищи растворился, как сон. А в сознании ротмистра расцвела цифра, которую он проиграл. Была она столь невозможной, что и думать не хотелось. Еговицын, не глядя, расплатился за обед и вышел на свежий воздух.

То, что случилось, было полной катастрофой. Конечно, его обманули жулики и проходимцы, но от этого не легче. Вексель подписан его рукой, а карточные долги офицеру надо платить всегда. Иначе не быть в полку. Товарищи будут сочувствовать, поддерживать, но платить

придется ему. В полицию обратиться невозможно. Для офицера это смертельный позор.

И застрелиться нельзя: такое пятно на полк, что имя его будут проклинать до скончания века. Остается найти деньги. Срок по уплате через три дня. Но где за такой срок найти двадцать тысяч?! Даже если продать небольшое имение, даже если залезть в долги под грабительские проценты, не набрать больше половины. Где взять остальное? Ответа на это не имелось ни в армейском уставе, ни в разгоряченной голове ротмистра.

Он подумал было бежать куда глаза глядят. Но куда сбежать офицеру лейб-гвардии? Да и что он умеет в жизни, кроме как тянуть армейскую ляжку? Нет, об этом и думать нечего. Быть может, срочно жениться? Но где найдешь невесту с таким приданым? Опять же, если сегодня сделать предложение, еще непонятно кому, свадебные хлопоты затянутся месяца на два. А кредиторы ждать не будут.

Еговицын представил, как пан Мазурельский появится у сторожевой будки казармы, как будет кланяться и показывать вексель, и его прошиб ледяной пот. Лучше смерть, чем улыбочка пана Мазурельского на виду полковых товарищей.

Еговицын отдал себе приказ прекратить панику и думать. Это подействовало. Ротмистр действительно стал размышлять, предлагая и отмечая самые необычные варианты. Абсурдных и безумных нашлось сколько угодно. Вот только воспользоваться ими было нельзя.

Он полез в карман за папиросами и наткнулся на бумажный комок. Вытащив и развернув, Еговицын обнаружил измятую записку. И вспомнил, откуда она взялась.

Отмечая Рождество в доме старого приятеля, Еговицын разговорился и пожаловался на плачевное состояние финансов. Собеседник оказался доброжелательным. То ли в шутку, то ли в серьез он предложил: если возникнут денежные проблемы, обратиться к одному человеку. Только обязательно показать эту записку. Иначе тот и разговаривать не будет.

Про записку Еговицын и думать забыл. В сложившихся обстоятельствах она становилась призрачной, но все-таки надеждой. Он не стал углубляться в вопрос: каким образом все произойдет и как он расплатится с долгом. И что за это с него потребуют. В конце концов, не душу закладывает.

Еговицын твердо знал одно: другого выхода не осталось.

• 3 •

Просвещение подрастающего поколения дело трудное, но почетное. В этом деле учитель французского языка царскосельской Николаевской мужской гимназии господин Таккеля наконец снискал признание. В числе нескольких учителей он был зачислен инспектором гимназии, господином Фамилиантом, в наградной список, и зачисление поддержал сам директор Георгиевский.

По окончании учебного года отличившимся светила похвальная грамота. Было это в начале апреля 1896 года.

А недели через две, в обычный и ничем не примечательный учебный день, Таккеля отпустил последний класс и прикинул планы на вечер. На этот счет у него имелось несколько идей, но какой из них отдать предпочтение, учитель не мог решить. Столь многообещающей была каждая из них.

В приятных мыслях он не заметил, как опустели коридоры. Пора было закрывать класс. Таккеля сдал ключ, попрощался со сторожем, который жил при гимназии, и вышел на свежий воздух, в котором уже явственно пахло весной. Таккеля вдохнул полной грудью и понял, как хорошо жить. Он сравнительно молод, у него отличные перспективы, чего доброго, дослужится до инспектора, мелкие неурядицы в семейной жизни счастливо одолел, а новых не предвидится.

Для начала он решил прогуляться по Набережной улице до Волконской, а там пройтись вдоль Екатерининского парка. Он шел неторопливо, как полагается достойному члену общества и уважаемому учителю. С ним уже раскланивались горожане, особенно те, чьим детям не давался французский язык. На поклоны Таккеля отвечал сдержанно, чтобы не терять марку. Он был весь такой строгий и чистый, всегда в аккуратно выглаженном служебном сюртуке и шинели.

Таккеля все еще обдумывал возможности, одну приятнее другой, когда на его пути оказался какой-то про-

хожий, не желавший уступить дорогу. Учитель не желал неприятного инцидента в публичном месте и хотел мирно обойти невоспитанного субъекта. Но ему не уступили дорогу. Это было несносно.

— В чем дело? — строго поинтересовался он.

— Господин Таккеля, если не ошибаюсь?

Таккеля окинул взглядом субъекта, позволившего такую дерзость. Вид его был потерт, одежка поношена, а лицо погрызено оспинами. При этом глазки незнакомца бегали, а краешек рта слегка подергивался. Кем бы он ни был, общаться с подобными личностями учитель гимназии не станет.

— Что вам угодно?

Субъект оскалил гнилые и мелкие зубки.

— Это не мне угодно, а вам... — проговорил он, дыхнув прямо в лицо мерзким запахом гнилой капусты.

— Поди прочь, милейший. А не то крикну полицию...

Мерзкий человечек даже обрадовался.

— Полицию? Вот это да! А что, зовите... Мы им и расскажем кое-что любопытное...

Таккеля не сразу понял, о чем толкует этот тип. Трудно предположить, что прямо на улице среди бела дня вот так преподнесут историю, о которой он старался забыть и надеялся, что возврата к ней не будет никогда. Человек же откуда-то знал столь мелкие подробности, что оторопь брала.

— Так будем полицию звать?

Нельзя было поддаваться. Надо было прогнать его и идти своей дорогой. Но Таккеля не хватило духу.

— Что вам угодно? — опять спросил он. И в тот же миг понял, что из него теперь душу вынут. Так и случилось. Человечек предъявил требования, исполнить которые было невозможно. При этом нарочно добавил, что, если нужная сумма не будет предоставлена в срок, все документы сразу попадут на стол директора гимназии. Со всеми вытекающими последствиями.

— У меня нет таких денег, — признался Таккеля.

— А уж это не моя печаль, — ответили ему. — Не будет денег, про гимназию можете забыть. Да и про Царское Село тоже. Жить вам тут будет затруднительно...

— Хорошо, я что-нибудь придумаю...

— Вот и чудесно! Только думать полагается до срока. После будет поздно...

Человечек юркнул в сторону и пропал из виду. Как и не было вовсе. Таккеля еще подумал, что, может быть, это дурацкий розыгрыш. Но сам же и признал: для шуток тема совсем неподходящая. Знать эту историю не полагалось никому. Да и кому о таком расскажешь. То, что угрозу приведут в исполнение, он не сомневался. Подобные субъекты не знают ни жалости, ни сострадания. Вырвут из горла.

Таккеля прикинул, сколько сможет собрать до назначенного срока. В лучшем случае у него будет половина суммы. Где брать остальное? На что жить? Куда бежать? Ответить на эти вопросы учитель не мог. Вскоре он пришел к неизбежному выводу: спасти его может только чудо. Если знать, как к нему обратиться.